

Г.К. Киясбек

(Алматы, Казахский государственный национальный университет им. Аль-Фараби)

Реминисценции образа грифона в мифологии казахов

Актуальность проблемы «прочтения» скифо-сибирского звериного стиля в искусстве очевидна. В древних культурах произведения искусства были неотделимы от функционального назначения предметов, на которых они размещены, и где смысл предмета дополняется смыслом изображения. Это связано и с представлениями о мире, в котором живут вещи (Переводчикова Е.В., 1994, с.11.). Многие мифы, исторические легенды и предания древних кочевых народов, подвергаясь трансформации и адаптируясь к сложившимся традициям и историческим условиям, все же сохраняют наиболее устойчивые пласты и элементы в мифах, преданиях и эпосах многих современных народов.

Содержание мифов ранних кочевников, согласно понятиям того времени, отражает отношение их к явлениям происходившим в их социуме. Наиболее популярный герой казахских волшебных сказок Ер Тостик, как Антей и Геракл в античной мифологической традиции, сражается с природными стихиями, с аждахой (айдахар, дракон), с сомом – Кер Жутпа (?) и великаном, которые приносили несчастья, разоряли стадо. Во время джута и в годы бедствия он спасает скот и находит пастбище.

Образ самырыка (симург, сенмурв, каракус – букв. черная птица) – альтернатива образа древнего грифона, описывается во многих сказках и легендах тюркоязычных народов. В частности в «Ер Тостике», он представлен очень сильным (от размаха крыльев поднимается буря, слезы текущие с глаз падают на землю градом), жестоким и суровым (ради птенца никого не жалеет), и в то же время верным другом, отвечающим на добро добром (Сказки, 1988).

Глаза самырыка зоркие (обозревают весь мир), уши чуткие (слышат обо всем вокруг), а сам – прорицатель. Подобными качествами также обладают некоторые персонажи индоиранской мифологической традиции.

Самырык в гнезде, на вершине высокого дерева, кормит джигита дичью; джигит, летевший верхом на самырыке, кормит его мясом своей плоти, которая быстро восстанавливается. Самырык и джигит поднимаются на небеса и опускаются в глубокие подземелья; их судьбы зависят друг от друга, переплетаются между собой.

Положительные качества мифического грифона (самырыка) должны были получить своеобразное отражение в изобразительном искусстве кочевников.

Кочевникам Евразии характерны представления о Вселенной, разделенной по вертикали на три мира: верхний (небо), средний (принадлежащий людям) и нижний (подземный). В изобразительном искусстве эти космологические представления маркируются с помощью зооморфного кода (птицы; копытные; рыбы, пресмыкающиеся, хищники) (Мелетинский Е.И., 1976; Раевский Д.С., 1985; Акишев А.К., 1984). Грифон (самырык) в зверином стиле – посредник-медиатор, связывающий разные сферы мироздания (в его образе есть черты птицы, копытного и хищника).

Охранительная функция беркута наряду с ролью родоначальницы волчицы описана в генеалогической легенде древних усуней. Деяния самырыка, направленные на обеспечение счастливой жизни джигиту в казахских сказках, несомненно, являются своеобразными отзвуками генеалогической легенды древних тюрок.

Рассматриваемый нами образ самырыка объединяет в себе признаки собаки и птицы. Казахи к именам батыров добавляли эпитеты «бори» (волк), «кус» (птица), и также называли своих родовых предводителей. Понятия «шынкус», «бори-кус» означает птицу высокого полета, гиперболизация образа «великих, высших людей». Слово «бори» позднее потеряло свое первоначальное значение «синяя (небесная), верхняя птица» и стало обозначать только волка (Маргулан А.Х., 1985. с. 363). В казахском языке слово «иткус» в обозначении волка и плотоядных хищных птиц раньше употреблялось по отношению грифу, у которого хриплый голос, напоминающий лай собаки.

У современных тюркских народов сохранились мифы о крылатых собаках, т.е. кумай или хубай хус. Казахи самую быстрейшую из собак – борзую, называли кумай тазы. О чудесном рождении кумай тазы существуют различные варианты легенд. В казахских сказках есть сюжеты, когда птица-счастья садится на голову избранника бога и судьбы. У туркмен, если тень священной птицы кумай падает на голову человека, то он становится падишахом.

Иткус (бори-кус, кумай тазы) полиморфный (полисемантический) мифический образ – символ небесного и подземного мира, подвергшийся сильной трансформации, позже в условиях внедрения в религиозное сознание канонов ислама, соответственно, стал отрицательным персонажем.

Птичьи украшения – неперенный атрибут казахских головных уборов, особенно, свадебного – саукеле, несли охранительные функции. В древности грифоном (иткус) или его частями декорировали детали конского убранства, оружие.

«Стерегищие золото грифы» – дети «священных иткусов» (собакоптицы или крылатые собаки, волкоптицы) вели войны с аримаспами из-за золота, пастбищ и т. д. Как отражение этих событий создавались мифо-поэтические образы, эпические предания, распространившиеся не только в пределах конкретного социума, но и далеко за его пределами, по сути, на обширных территориях древнего Востока и античного мира.

Образ грифона служил как ангел-охранитель, талисман-амулет, который сопровождал покойника в инобытие и вместе с тем очищал человеческие души. Зороастрийцы и ламаисты своих покойников оставляли на съедение иткусам (собакам и птицам). Если на теле есть

следы от клюва грифа, то это хороший признак, а место захоронения – чистое; если же таких следов нет – это плохой признак.

По-тувински «гриф» звучит как тас, по-казахски – таз кара. Этимология алтайского божества звучит, как Таз-каан. Самоназвание «стерегущих золото грифов» означало таз (буквально – лысый) или тас. Компоненты «таз» в родо-племенных подразделениях у туба-кижи (тастар), алтайцев (сеок тастар), кочевых узбеков, казахов, киргизов, башкир и т.д. (Турсунов Е.Д., 1973.с.167.).

Научный руководитель – к.и.н. З. Самашев.